

Июна
УМЕЛЕВСКАЯ

JOANNA CHMIELEWSKA

Wszystko czerwone

Июль
УМЕЛЕВСКАЯ

Всё красное

ЖАН
РЫ
АСТ
Москва

УДК 821.162.1
ББК 84 (4 Пол)
Х65

Серия «Всё красное» выходит с 2013 года

Joanna Chmielewska
Wszystko czerwone

Перевод с польского *В. Селивановой*

Оформление — Александр Шпаков

Хмелевская, Иоанна

Х65 Всё красное: [роман] / Иоанна Хмелевская; пер. с польского В. Селивановой. — Москва: АСТ, 2015. — 320 с. (Всё красное).

ISBN 978-5-17-088496-4

В скучной и благопристойной Дании случаются порой удивительные события! Весёлая пани Иоанна решает погостить в доме своей подруги Алиции, куда неожиданно съезжается огромное количество гостей и родственников. Однажды вечером кто-то из них решает угробить хозяйку.. Подруги пытаются разгадать: кто это может быть? Дело осложняется тем, что незадачливый убийца, совершив целую серию покушений, всякий раз досадно ошибается, путая Алицию с кем-то из ее гостей. И вот, мы уже погружены с головой в атмосферу весёлого безумия, где жертвой — всегда становится не тот человек, что нужен, а в итоге все жертвы — оказываются живы. Почти все...

УДК 821.162.1
ББК 84 (4 Пол)

© Joanna Chmielewska
© Перевод. В. Селиванова, наследники
© ООО «Издательство АСТ»
© ООО «Издательство «У-Фактория»

ISBN 978-5-17-088496-4

Действующие лица,
живые, мертвые и потерпевшие

1. Алиция — невероятно гостеприимная хозяйка дома.
2. Зося — подруга Алиции, приглашенная провести скучный отпуск в ее доме.
3. Павел — сын Зоси, молодой человек, только что окончивший школу.
4. Эдик — старый поклонник Алиции, приехавший по ее приглашению, но раньше назначенного срока.
5. Лешек — друг Алиции, приехавший без приглашения.
6. Эльжбета — дочь Лешка, самостоятельная молодая дама, в Дании проездом.
7. Эва — красавица полька, жена датчанина, постоянно проживающая в Дании.
8. Рой — муж Эвы, обожающий жену сверх всякой меры.
9. Анита — журналистка, ведущая весьма активный образ жизни.
10. Генрих — датский муж Аниты с ангельски спокойным характером.
11. Герр Мульдгорд — датский полицейский со знанием польского языка.
12. Казик — жертва любви к Эльжбете.

13. Тип в красной рубашке — таинственная личность, то и дело пугается по ходу действия.
14. Владя — знакомый Алиции, вроде бы приглашенный ею вместе с женой.
15. Марианна — швейцарская жена Влады.
16. Агнешка — неприятельница Эльжбеты, приглашенная Алицией вынужденно.
17. Тетя — поразительно энергичная датская старушка, вовсе не приглашенная.
18. Кенгуриха — австралийская родственница, проявляющаяся только в телефонных разговорах, зато в самое неподходящее время.
19. Грета — датская кузина Алиции, вызывающая противоречивые чувства.
20. Бобусь — сначала друг, а потом враг Алиции, прибывший из Англии.
21. Белая Глиста — любовница Бобуся, приехавшая из Польши.
22. Фру Хансен — домработница Алиции, безвинная жертва собственной фамилии.
23. Торстен — племянник Алиции, чрезвычайно приятный молодой человек.
24. Совершенно посторонний мужчина, которого просто подвезли на машине.
25. Херберт — сын знакомых Алиции, ниспосланный Провидением.
26. Анна-Лиза — жена Херберта.
27. Авторша — подруга Алиции, приехавшая по ее приглашению, но с опозданием.

Действие происходит в Дании

— «**А**ллерод» вовсе не значит «все красное», — раздраженно возразила Алиция. — Не понимаю, как такая идиотская мысль пришла тебе в голову.

Вот чуть ли не первые слова, какими встретила меня лучшая подруга, когда я сошла с поезда на маленькой датской станции Аллерод. Мы с Алицией стояли на привокзальной площади в ожидании такси. Умей Алиция угадывать будущее, она наверняка еще энергичнее восстала бы против моего перевода названия «Аллерод».

— А что значит? — спросила я. — «Род» — «красный», «алле» — «все».

— На каком языке, хотела бы я знать?

— На среднем между немецким и английским.

— Ах, среднем... Скажи на милость, чем набит твой чемодан?

— Твоим бигосом, твоей водкой, твоими книгами, твоей колбасой...

— А своего у тебя там ничего нет?

— Как же, пишущая машинка. «Род» означает «красное», и баста, я так решила!

— Ничего подобного! «Род» означает нечто вроде вырубки. Знаешь, такой вырубленный лес. Рос лес, а потом вырубил — и не стало леса.

Подъехало такси, шоферу удалось затолкать в машину и мой багаж, и нас с Алицией. Ехать было всего минуты три, но невероятная тяжесть чемодана совершенно исключала всякую мысль о возможности добраться пешком.

А я продолжала отстаивать свою трактовку перевода.

— «Род» значит «красный», и все это знают, а о дурацкой вырубке никто не слышал. Раз не стало, то и говорить не о чем. «Аллерод» означает «все красное»!

— Сама ты красная! — вспыхнула Алиция. — Не веришь — посмотри в словаре и перестань молотить ерунду.

Бросалось в глаза, что она вообще была какая-то нервная и излишне легко раздражалась. Почему — я не успела узнать, так как время в пути у нас целиком заняло «все красное», а когда приехали, оказалось, что дом Алиции переполнен гостями и поговорить с ней не было никакой возможности. Тем более что я с ходу заразила их «все красным», и они сразу же согласились с моей трактовкой. Это ухудшило и без того плохое настроение Алиции.

— Располагайся, помойся с дороги, вообще делай что хочешь, только оставь меня в покое, — сказала она раздраженно. — С минуты на минуту должны явиться остальные гости.

Остальные гости! Не требовалось особой наблюдательности, чтобы понять — я угодила на какое-то на редкость грандиозное сборище, вот только пока неясно: кто из гостей проживает в доме, а кто — гость приходящий; из проживающих же — кто приехал надолго, а кто лишь на несколько дней. Информацию я получила от Павла, сына Зоси, нашей общей с Алицией подруги. Сама Зося, невероятно замотанная, была по уши занята на кухне, и у нее не нашлось ни секунды для общения со мной.

— Когда мы приехали, Эльжбета уже тут жила, — просвещал меня Павел. — И сейчас живет. Эдик приехал сразу же после нас, три дня назад, а Лешек сегодня утром. Приходящих четыре штуки: Анита с Генрихом и Эва с этим... как его... Роем. Алиция психует, мать психует, а Эдик пьет.

— Все время?

— Похоже, все.

— А сегодня Содом и Гоморра по какому случаю?

— Обмываем лампу.

— Какую еще лампу?

— Такой фонарь на длинной ножке, для садика, ну, знаешь, вроде торшера. А поставили эту лампу на террасе. Алиции на именины подарил ее, кажется, Енс, а может, еще какой родственник, хочешь не хочешь, пришлось поставить. На террасе. Датское обмывание уже состоялось, сегодня наше, польское.

Прибыли ожидаемые гости, и я с радостью встрети-лась с Эвой и Анитой, которых не видела почти два года. Обе очень похорошели. По сравнению с подчеркнуто беленькой Эвой сильно загоревшая худенькая Анита с большой шапкой черных выющихся волос выглядела мулаткой. Ее датский муж Генрих, обычно добродушный и спокойный, показался мне как будто немного вздрю-ченным. Рой, датский муж Эвы, высокий, худой, очень светлый блондин, беспрестанно открывал в улыбке ослепительные зубы и смотрел на жену с еще большим обожанием, чем два года назад. Я подумала: похоже, Эва хорошеет в атмосфере окружающих ее нежных чувств, а Анита — в атмосфере скандалов и ссор. Каждой свое.

После ужина гости переместились на террасу, и торжество достигло апогея. Виновница торжества светила красным светом на высоте не более метра от земли, освещая лишь ноги расположившихся вокруг нее в крес-лах гостей. Большой приплюснутый абажур, черный сверху, не пропускал вверх ни малейшего луча света, так

что головы и бюсты сидящих тонули в глубоком мраке, и все остальное пространство также окутывала непроглядная чернота.

Экспозиция из одних пурпурных ног, лишенных своих хозяев, представляла весьма странное, но тем не менее эффектное зрелище.

И еще я подумала, что это торжество по поводу приобретения новомодного светильника лишь тогда имело бы смысл, если бы хоть минутку посидела в его свете с гостями сама Алиция. Ноги представляли самый выигрышный элемент ее фигуры, и Алиция имела полное право демонстрировать их по всякому поводу и без, а тут такой повод! А кто из присутствующих дам мог это сделать? Зося, Анита и Эльжбета были в брюках, Эва — в высоких лакированных сапожках, прикрытых каким-то длинным одеянием до пят. Оставалась я, но на одну меня тратить целую лампу глупо, я бы сказала — непозволительная роскошь. Так что Алиция просто обязана была посидеть с нами.

Алиция же тем временем без конца курсировала между кухней и террасой, с каким-то мазохистским упорством обслуживая гостей.

Я изловила ее в дверях:

— Сядешь ты, наконец, когда-нибудь? Меня уже начинает мутить оттого, что ты без конца снуешь туда-сюда! У гостей все есть, а если что и потребуется, сами себе принесут.

Алиция безуспешно пыталась вырваться от меня и удалиться сразу в нескольких направлениях, бормоча при этом:

— Апельсиновый сок. Кажется, стоит в холодильнике...

— Я принесу! — вызвался Павел, внезапно материализовавшись из темноты.

— Вот видишь, он принесет, сядь же, наконец, ради бога!

— Принесет, как же! Он раскроет холодильник и будет пялиться, как в телевизор. Ну ладно, Павел, принеси сок, а в холодильнике разглядывать нечего!

Глаза Павла как-то странно блеснули, и он скрылся в дверях дома.

Дом и сад тонули в глубокой темноте. Нарушали ее лишь красный круг под торшером да свет в кухне, время от времени пробивавшийся в комнату, когда отбрасывалась портьера, прикрывающая вход в кухню.

Оттащив Алицию на террасу и затолкав ее в кресло, я уселась рядом и потребовала объяснений, чрезвычайно заинтригованная ее замечанием:

— Почему Павел обязательно должен пялиться? Что там у тебя в холодильнике такое?

Алиция со вздохом облегчения вытянула ноги и взялась за сигарету. Между креслами на террасе мы порасставляли ящики, пуфики и прочие предметы, исполняющие роль столиков, на которых разложили все нужное гостям.

— Да ничего там особенного нет, — ответила она. — Просто холодильник нельзя долго держать открытым, иначе придется размораживать. Надо открыть дверцу, взять, что нужно, и сразу закрыть. А он раскроет холодильник и примется искать сок...

Из темноты внезапно вынырнули ноги Павла, а под лампой появилась его рука с бутылкой молока.

— Ты что принес?! — набросилась на сына Зося. — Не валяй дурака, мы ждем апельсиновый сок!

— Ой! — огорчился Павел. — Промазал! Я схватил с закрытыми глазами, Алиция не велела смотреть...

— Да не с закрытыми глазами, можно быстренько взглянуть и вынуть, что надо, — возразила Алиция, делая попытку встать с кресла. — Я говорила, что этим кончится.

— Ты говорила совсем другое. Сиди спокойно!
— Сиди! — поддержала меня Зося. — Я принесу.
Но Павел воспротивился:
— Я сам. Теперь я уже не промахнусь, выбор там небольшой.

Эва и Анита произнесли одновременно —
Анита: — Молоко оставьте, Генрих его с удовольствием выпьет.

Эва: — Твои клипсы просто изумительны в этом освещении! Ну прямо рубины.

Следует заметить, что вот так же, перебивая и не слушая друг друга, говорили и все остальные. Одиннадцать человек толпились вокруг обмываемого светильника и метались в черном пространстве между кухней и террасой. В обычно тихом и спокойном доме Алиции в этот вечер царили шум и столпотворение. Поскольку среди гостей находились два аборигена — Рой и Генрих, разговор велся сразу на нескольких языках. Воспользовавшись тем, что Алиция на минуту оказалась в кресле рядом со мной, я, улучив момент, тихонько потребовала ответа на вопрос, который интересовал меня с самого начала:

— Почему в твоём доме живет столько народу? Ты что, спятила, приглашая сразу такую прорву? Или это просто катаклизм?

— Катаклизм! — с горечью вырвалось у Алиции. — Никакой не катаклизм, просто каждый поступает так, как ему вздумается. Я все распланировала, каждый должен был приехать в положенное время, по очереди, тогда все было бы в порядке. Но им, видите ли, так удобнее, вот и приезжают, когда захотят. Сейчас очередь Зоси с Павлом, и только они приехали по плану. Эдика я запланировала на сентябрь, а ты, не в обиду будет сказано, должна была приехать еще в прошлом месяце. У нас какой сейчас?

— Август, середина.

— Вот именно! А ты должна была приехать в конце июня.

— Должна была, но не смогла. Я влюбилась...

— А Лешек должен был...

Разогнавшаяся Алиция вдруг прервала себя на полуслове:

— Что ты сделала? — спросила она, будто не доверяя собственным ушам.

— Влюбилась, — сокрушенно повторила я.

— Как, опять? Ты сошла с ума!

— Возможно. Но что я могу поделать?

— И в кого же ты влюбилась?

— Так, в одного, ты его не знаешь. Похоже, тот самый роковой блондин, которого мне гадалка предсказала. Впрочем, это длинная история, я тебе расскажу все как-нибудь в другой раз. Так откуда же взялись Лешек и Эльжбета?

— Лешек и Эльжбета... Послушай, а он что? Он в тебя тоже влюбился?

— Вроде влюбился, хотя я и боюсь поверить. Знаешь ведь, какая я невезучая. Ну так что с Лешekom и Эльжбетой?

— Так вот, они... А чем дело кончилось? Ты разлюбила и поэтому смогла приехать ко мне?

— Наоборот. Я утвердилась в своих чувствах. И поэтому смогла приехать. Так значит, Лешек...

— А кто он такой?

— Бог с тобой, ты что, Лешака не знаешь? Отец Эльжбеты, вон они оба, сидят рядом с тобой. Кшижановские их фамилия.

— Балда! Я спрашиваю о твоём хахале. Что же касается Лешака, то он прибыл сюда на яхте на несколько дней, а Эльжбета сама по себе приехала из Голливуда. Тоже на несколько дней, на будущей неделе отправляется в Стокгольм. Может, на яхте, вместе с отцом, я точно не знаю. По правде говоря, они приехали без приглашения, и если бы я их меньше любила...

— А почему Эдик вместо сентября приехал сейчас? У меня-то уважительная причина, а у него что?

— А он должен сообщить мне нечто страшно важное и срочное, не терпящее отлагательства. Так, по крайней мере, он заявил. Потому и приехал срочно. Вот уже три дня, как приехал, а все никак не может сообщить это нечто важное, все не представляется случаем.

— Почему же не представляется случаем?

— Потому что ему никак не удастся протрезветь.

Испытывая противоречивые чувства, взглянула я на вытянутые ноги Эдика. Его кресло стояло в некотором удалении от лампы, так что освещены были лишь ботинки и до колен брюки. Ботинки и брюки вели себя спокойно, не производили впечатления пьяных, но я-то знала, что в данном случае впечатление может быть очень даже обманчиво. Основным занятием Эдика чуть ли не всю сознательную жизнь было злоупотребление алкоголем. Именно по этой причине в свое время Алиция, не посчитавшись с собственными юными чувствами, отказалась связать с ним судьбу, ограничившись сердечной дружбой. А может, теперь юные чувства понежному возрождаются?

— А он по-прежнему так же сильно пьет? — поинтересовалась я, ибо у меня к Эдику был свой интерес. — Не прекратил?

— Еще как пьет! Уже успел высосать половину того, что привез.

Со дня смерти Торкиля, датского мужа Алиции, прошло уже столько времени, что Алиция имела полное право проявить интерес к другому мужчине. Однако, если Эдикова склонность к спиртному оттолкнула ее в свое время, вряд ли теперь Алиция пересмотрела свое мнение. Хотя, с другой стороны, она ведь всегда питала к нему слабость. Впрочем, и слабость, и градусы — ее дело, у меня же были свои личные причины интересо-

ваться Эдиком. И для меня было очень важно, чтобы он хоть ненадолго протрезвел.

Я еще собиралась спросить Алицию, не догадывается ли она, что именно хотел ей Эдик сообщить, но Алиция покинула свое кресло прежде, чем я успела протестовать, и исчезла во тьме.

Павел с Зосей все никак не могли найти апельсиновый сок, и Анита отправилась к ним на помощь. Эва вдруг вспомнила, что они с Роем купили сегодня несколько банок разных соков, которые еще не успели вынуть из багажника машины, и погнала Роя за ними. Апельсиновый сок вдруг стал предметом всеобщего интереса, все только им и занимались, казалось, все пространство вокруг нас наполнилось апельсиновым соком, и я бы не удивилась, если бы он вдруг пролился на нас в виде осадков.

Отыскала сок все-таки Алиция, и не в доме, а в чулане, где она держала запасы пива. С соком наконец дело уладилось, но тут Эльжбета вдруг почувствовала голод, пошла на кухню и принесла себе бутерброды, да такие аппетитные, что голод немедленно ощутили Павел и Лешек. Алиция помчалась на кухню, чтобы приготовить побольше бутербродов, тем более что ее уже беспокоило, чем это Анита так долго там занимается. Зося принялась искать вторую банку с кофе. Эва настойчиво требовала для Роя крепчайших польских сигарет «Экстра» — пронесся слух, что у кого-то из польских гостей они есть. Анита по ошибке налила Генриху молока в пиво.

Вечер явно удался и становился все оживленнее. Гости проявляли невероятную изобретательность по части придумывания все новых и новых желаний и, безжалостно опустошая запасы Алиции, наперебой изъявляли готовность принести любые продукты и напитки, так что большая часть присутствующих находилась в неустанном и хаотичном движении.